
А.Е. Пресняков

**ОБРАЗОВАНИЕ
ВЕЛИКОРУССКОГО
ГОСУДАРСТВА**

МОСКВА

Богородский Печатник

1998

шел он при вышательстве и под давлением в к. Ивана. Ростов при нем был в полной зависимости от великокняжеской власти. Ученый и биограф св. Сергия Радонежского, Епифаний, рисует положение Ростова такими чертами: «Егда бысть великая рать татарская, златоукая Федорюковна Тудыковна егда же по сем за год едем, и князя накликающе много, сиречь князьяные великие Московские дашахоса князю великому Ивану Даниловичу, криво же дашахоса и князьяне Ростовские к Москве, уны, тогда градоу Ростову, там же и князем из, аки отыах от той власти и князьяне, и князьяне, и чюство, и слава и вся прочая и помысли к Москве. Егда злыде помыслише великие князи Ивана Даниловича, и послах бысть от Москвы на Росток, аки чюдый князид, егда от великом, князем Васильей, кривоуцем Кочма, и с ним Мана, и егда отыахоса во град Росток, тогда великыиша велику кружу на град да и на вся жюурыя в нем, и князьяне много умножыся». Епифаний говорит далее о том, как ростовцам пришлось отдавать московичам «много сил с мужик» и терпеть «прожому того» — «побой и укоризны». Под княжеской риторикой Епифания — нечто большее, чем простое обозначение возросшей эксплуатации. Речь идет об уменьшении княжеской власти ростовских отчужен, о влиянии князя в Ростове московских бояр, словно они — правители ростовские, о суровых мерах для князя с ростовцев каких-то платежей. Аналогия новгородских отчуженей в к. Ивана вызывает предположение, что дело идет о тех же «запросах царьков», о крутых мерах для сбора «серебра на царские платежи». Рассказ Епифания острого обиду ростовцев, которая вышла, по-видимому, выклад в попытке сопротивления, Епифаний сообщает о мучении московскими боярами старейшего боярина ростовского Амуря и об ужасе, какой они этим нагнали на все население ростовской области⁷.

Предположение московским засильем, ростовские князья выступают в тот период своей истории, когда падает их «власть и княжение», и складет они на положение великих подрученных великого князя, служебных, как станут говорить позднее, князей вассальных. Падение последних черт сколько-нибудь самостоятельного, княжеского, политического значения — необходимая предпосылка для распада старого ростовского княжества на многие мелкие вассалы и вырождение владетельных князей — в князья-дворяне-владельцы. Постепенно нарастает это вырождение в XIV и XV столетиях, но поворотный пункт в истории ростовских князей дворян Епифаний правильно отметил в дни в к. Ивана Даниловича. Та же судьба уготована князьям белозерским, стародубским, крымским, галицким и дмитровским⁸, ожидает она и князей воеводских⁹. Центр Белозерщины становится под великокняжеской властью, устанавливается эта власть в руках московского князя. Происходит закладка крепко-

го фундамента под здание Владимирско-Московского великого княжения, будущего «Московского государства», в том тесном значении, какое этот термин имел для политической терминологии XVI века.

III

Для выяснения этого момента исторических судеб Велико-русские имеют существенное значение вопрос о прославленном «чурлове» Иване Калите. Дмитрий Донской называет в своей духовной Галич, Белоозеро и Углич — «чурловым деда своего». Это свидетельство источника, весьма авторитетного, вызвало у историков большое недоумение, доходящее до попыток отделиться от него простым отрицанием. Недоумение обусловлено, с одной стороны, тем, что Калита и его сыновья не упоминали об этих «чурлов» в духовных грамотах, а, с другой, тем, что сохранились известия о князьях на Галиче и Белоозере во времена Дмитрия Донского. На разъяснение этих двух обстоятельств и сосредоточилась толкования историков. Карамзин пояснил, что «сам убого до времени Донского считался великокняжеским, а не великим князем, потому не упоминается о нем в заповедных сыновей Калитыных»⁶. Словыла отверг это толкование, считая невозможным, чтобы Калита «принимал» в великому княжеству, который «никогда не признавался в соборности его роду», а могло перейти после его смерти в тверское или новгородское князю «дело, но это мнение, объясняется тем, что Калита княжил эти города у князей, но оставил еще им некоторые права великокняжеские, подьячичные», однако, а в великокняжескому, а при Дмитрии Донском они были известны этим правам⁷. В.И. Сергеевич признал, что «некоторые приобъемленные, приобъемленные Ивану Калите, подьячичные сыновья», а его «чурло» — нуждается в дальнейшем разъяснении, против Карамзина Сергеевич принял возражения Словыла, но наложил, что и после разъяснений Словыла «некоторые заповедной Калиты и его дел» остаются необъяснимыми и необъяснимыми им сыновья не упоминаются⁸. Эти сомнения и неустранимы при сохранении традиционного представления, что деятельность Ивана Калиты направлена на «политическое собирание земель», что территория московского государства — «земли удельные великокняжеские» (В.О. Ключевский). Не земли собирали великокняжеские князья, а власть, не территорию своей великокняжеской владения расширяли, а строили великое княжество, постепенно и упорно превращая его в свое «государство». Если не видеть за Калитой — владением великокняжеским — великого князя всех Русь, нельзя понять не только многих фактов его деятельности, но и